

Образ покойника в народных представлениях на Верхнем Дону

Ольга Александровна Шепелева

(Донецкий национальный университет: ДНР, 83001, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24)

Аннотация. В статье на материале записей международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон в начале XXI в. рассматриваются представления о покойнике, которые функционируют как в похоронно-поминальном обрядовом контексте, так и в снотолковании, демонологии и лечебной практике.

Фольклорный образ покойника является одним из наиболее распространенных на Верхнем Дону. Полевой материал показал, что его специфика зависит от функционального контекста, который влияет на внешнюю и сущностную характеристику покойника, а также определяет характер его взаимоотношений с родственником. Материал в статье выстроен с учетом последовательности событий (смерть — сны/явления), что также связано с функциональным контекстом: покойник является во сне и просит о необходимом ему вещи после «ритуальной ошибки» во время погребения, а «живой» мертвец ходит и уводит человека, который по нему тоскует и не может его отпустить.

Особое внимание в статье уделяется образу «живого» мертвеца. Так, на Верхнем Дону этот демонологический персонаж не всегда соответствует типу мифологического любовника. В архиве экспедиций есть записи о тоске не только по мужу, но и кровному родственнику (родитель и ребенок, сестринская связь).

Ключевые слова: покойник, огненный змей, Верхний Дон, прескрипции, поверья.

Дата поступления статьи: 15 января 2020 г.

Дата публикации: 25 марта 2020 г.

Для цитирования: Шепелева О. А. Образ покойника в народных представлениях на Верхнем Дону // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 1. С. 149–157.

DOI: 10.26158/TK.2020.21.1.011

Похоронно-поминальный обрядовый комплекс включает в себя различные обряды и ритуалы, народные представления о смерти и жизни на «том» свете, а также комплекс прескрипций, примет и поверий, связанных с покойником, но фольклорный образ покойника реализуется не только в контексте указанного обрядового комплекса, но также в демонологии, снотолковании и лечебной практике.

На материале верхнедонских записей начала XXI в. рассмотрим образ покойника

в разных функциональных контекстах. Начнем с похоронно-поминальных обрядов и представлений. На Верхнем Дону предчувствовали смерть и готовились к ней. Так, распространено было собирать смертный узел, в который входила необходимая для погребения одежда: «*Эта у фсех фсигда, смертний узыл назывался, там фсё: и наски или чулки, женицины абизатильна рязузы были тада клали, муцины ф кальсонах были фсягда, и рубаха на нём, тапачки, свечки*» (Зап. от Надежды Владимировны Меркиясивны, 1940 г.р.,

х. Яминский, Яминское с/п, Алексеевский р-н, Волгоградская обл. Соб. К. Журавель, А. Маданова. 2011 г.) [ФА ДонНУ].

В первые сорок дней после смерти покойник фактически никак себя не проявляет: не ходит, не пугает, не вредит и пр. А вот его душа¹ до сорокового дня, по народным представлениям, еще пребывает в этом мире. Об этом свидетельствуют записи о необходимости оставлять душе водичку, а также записи о проводах души на сороковой день. Отмечено, что в этот период душа покойника активнее него самого.

Тело покойника до погребения представляет опасность косвенно: вода после его омовения опасна для живого человека: ее обязательно выливали туда, где никто не ходит (записи были сделаны в г. Серафимовиче в 2005 г., в х. Верхняковском в 2010 г., в х. Помалинском в 2011 г. и в других населенных пунктах); его отражения в зеркале могут испугаться, поэтому завешивали зеркала (в х. Шакине в 2007 г., в х. Антиповском в 2010 г. и в других населенных пунктах); приготовленные на смерть вещи нельзя примерять другому человеку — может умереть (в г. Серафимовиче в 2005 г.). Для простого человека вышеуказанные и им подобные обстоятельства представляют опасность, поэтому обрядовых правил строго придерживались, чтобы уберечь себя и своих близких, но для злого человека, который «с нечистью знаицца», — это источник силы или способ сделать неладное. Тряпочки, которыми омывали покойника, а также веревки, которыми связывали руки или ноги покойника, представляют «интерес» для таких людей. С помощью этих предметов можно было навести порчу, навредить человеку: «Л. И.: Ну, в руки от как покойник умрёт, связывали руки и ноги. Л. Д.: Нет, ну, пATOM-та связывали. Л. И.: Ну, сначала-та связывали. <Соб.: А зачем?>. Л. Д.: Штот... Л. И.: ...ни разашлась, и кажда уже харонят, пирит тем, как забить крышку гроба, нада была развязать, развязывают абязательна, и нада была услудить, штот ведьма ни взяла эти пута» (Зап. от Лидии Ивановны Мордвинцевой, 1955 г.р., Людмилы Даниловны Дорофеевой, 1947 г.р.,

х. Самолшинский, Самолшинское с/п, Алексеевский р-н, Волгоградская обл. Соб. К. Журавель, О. Якимова. 2011 г.) [Тимофеев. МЭ].

В особую группу следует выделить запреты для родственников: им запрещалось омыwać покойника, нести гроб на кладбище, следом за гробом идти в погребальной процессии, копать могилу и пр. Считалось, что покойник после похорон «утянет» их за собой, поэтому члены семьи обращались за помощью, если это было возможно, к соседям и знакомым. Погребально-поминальный обрядовый комплекс ориентирован на будущее: во время похорон и помина все делалось «так, как нужно», чтобы покойник почил с миром и не приходил, не являлся, не тревожил, не вредил, не забрал с собой. Для правильного расставания с покойником также существовал обряд отделения, который информанты объясняли различно.

1) Покойнику покупают / он покупает место: «В. В.: А денишки, кусок хлеба... Т. В.: Как гаварица, штобы ани на том свети магги купить места. В. В.: Да? Т. В.: Да. В. В.: От, кусочик хлеба фсуда. Даже, от, читал. Пачитаить и... мы, от, каждый разламываем кусок. <Соб.: Прямо в гроб клали?> В. В.: Пряма да! <...> Атдиляли ему, штобы он назат ни варачивался и ни хадил, от. Штот-та в этом роди. Мы иво атдиляим, штобы он шёл с мирам, а назат больши ни варачивался» (Зап. от Веры Васильевны Козиной, 1969 г.р., Татьяны Викторовны Ковалевой, х. Гороховский, Колундаевское с/п, Шолоховский р-н, Ростовская обл. Соб. Н. Козак, О. Шепелева. 2013 г.) [ФА ДонНУ].

2) Покойника отделяют, чтобы он с собой никого не забрал, чтобы больше смертей не было: «<Соб.: А вот в гроб что-нибудь клали? Были какие-то особенности?>>Addиляють ис дома. Кусок хлеба, мелачь, деньги и гаварят такии слава, ну, хто там, на имини называють: «Иди з Богом, addиляють тибя ад дома, нас никаво ни трогай» (Зап. от Анастасии Ивановны Шаповаловой, 1968 г.р., х. Дударевский, Дударевское с/п, Шолоховский р-н, Ростовская обл. Соб. К. Журавель, О. Якимова. 2010 г.) [ФА ДонНУ]; «Ну, раньшеи кто и чё патбросит, паложит, там. Ну,

¹ Е. Е. Левкиевская отмечает: «На условной шкале мифологизации представления о покойнике находятся между представлениями о душе и «ходячем» покойнике» [Левкиевская 20126, 90].

раньше клали деньги медные. <Соб.: А для чего?> Ну, от в адыяла, штоп он больши ничё ни брал. А сичас...» (Зап. от Марии Николаевны Лапченковой, 1926 г.р., х. Громковский, Базковское с/п, Шолоховский р-н, Ростовская обл. Соб. И. Кононенко, К. Журавель. 2007 г.) [ФА ДонНУ]; «Принята была... и щяз ана вещи ... анна ни вещи, а как традиция. Вот ани так гаваряють: "Палажили денюшку, капечьки и кусочик хлеба". <Соб.: А почему именно так?> Вроди как мы тибя атдиляим, больши ты у нас никаво ни забирай, штоп ис симьи больши никаво ни брали. А эта, канешна, как там абизательна крест в руки, абизательна веньчик на голува, и накрыть покрывала... и адежда далжна, штоб чилавеку на душе ана. С каротким руковом у нас никаво в гроб ни паложуть, женьщину или мушину» (Зап. от Людмилы Ивановны Котельниковой, 1956 г.р., х. Большенаполовский, Верхнечирское с/п, Боковский р-н, Ростовская обл. Соб. Е. Жовниренко. 2010 г.) [ФА ДонНУ].

3) Покойника отделяли, чтобы сохранить материальное состояние, благополучие: «Ну, атдиляють, как иво, штоп он, штобы в доме ничё больши ни прападала. Деньги, серябро. Деньги сирибро.<Соб.: Чтоб не пропадало? А что, пропадает?> Да-да, а то, то скатина дохнет или чё эта там какакая-та бида будить...» (Зап. от Ольги Стефановны Никулиной, 1927 г.р., х. Кружилинский, Кружилинское с/п, Шолоховский р-н, Ростовская обл. Соб. Ю. Мавродий. 2014 г.) [ФА ДонНУ].

Обращение к покойнику: «Иди з Богом, аддиляють тибя ад дома, нас никаво ни трогай», напоминает общение с домовым во время переезда. Обращение к ангелу-хранителю, записанное на Верхнем Дону («Ангел мой, пайдем са мной на весь день денской. Буду с верой жить и тибе буду служить» в х. Помалинском), также похоже на зазывание домового в новый дом: «Домовой, домовой, пойди со мной»; «хазаин, пашли са мной» и т.п.

Телесные представления о загробной жизни и о существовании человека после смерти, распространенные на Верхнем Дону, проявляются и в том, что в гроб могли положить личные вещи умершего: «И ачки, хто зубы вставные, хто с палачкай хадил или с тростью, трость эту кладуть, хто в шапке всю жизнь хадил — шапку ложуть» (Зап. от Юлии

Викторовны Багровой, 1949 г.р., х. Белогорский, Базковское с/п, Шолоховский р-н, Ростовская обл. Соб. К. Журавель, О. Якимова. 2010 г.) [ФА ДонНУ].

Заметим, что при ритуальном оформлении гроба отсутствие живых цветов в гробу имеет практическое объяснение: «Нильзя лажить туда <в гроб к покойнику> живьи <цветы, т.к.> ани быстра прападают» (Зап. от Александры Васильевны Сверчковой, 1932 г.р. х. Покручинский, Суляевское с/п, Кумылженский р-н, Волгоградская обл. Соб. Е. Жовниренко, С. Сингур. 2010 г.) [Тимофеев. МЭ]; а вот наличие там же личных вещей трактуется иначе: «мужикам фурашки лажили абязательна. <...> Лажили в гроб...там ...у ниво, жизнь прадалжаица» (Зап. от Надежды Абрамовны Титовой, 1941 г.р. х. Нестеровский, Реченское с/п, Алексеевский р-н, Волгоградская обл. Соб. Н. Козак, О. Шепелева. 2013 г.) [Тимофеев. МЭ].

Несмотря на многочисленные запреты и предписания, распространенные в контексте погребально-поминальных обрядов, случались и «ритуальные ошибки». Если покойного одели не в ту одежду, положили в гроб не в той обуви и т.п., то он начинает сниться и напоминать об этом в разной форме: просить, упрекать, являться. В такой ситуации необходимо передать нужную вещь со следующими похоронами (т.е. положить в гроб к следующему покойнику). Е. В. Сафронов выделяет такие сны в группу «Указание на нарушение» [Сафронов 2016, 307–417]. Примечательно, что после этого возможны повторные сны с участием умершего, но ситуация меняется: он благодарит либо появляется в той или с той самой вещью. Речь идет не только о том, что смертный узел готовится заблаговременно и отложенные на смерть вещи должны быть использованы, но и о том, что после смерти покойного его ждет жизнь с такими же потребностями, как и при жизни: ему понадобятся очки, костыль, сигареты и прочие предметы.

В снотолковательной традиции Верхнего Дона образ покойника встречается в устных сонниках и сновидческих нарративах. Покойник может являться во сне и наяву. Е.Е. Левкиевская указывает на то, что эти формы в разных ареалах могут вступать в синонимичные или

антонимичные отношения. Для Верхнего Дона актуален второй тип соотношения сна и яви, при котором «явления покойника во сне считается его «законным» каналом связи с живыми, а приход наяву осознается как патология, от которой нужно избавляться и оберегаться...» [Левкиевская 2012а, 276].

Сновидческие приметы из устного сонника о покойнике чаще всего предвещают дождь, болезнь, смерть (станции Луковская, Арчединская, хутора Правоторовский, Захоперский, Яминский, Помалинский, Титовский, Кузнечинский, Скулябный, Филин, Терновский, Еланский, Нижнекривской, Дубровский, Бобровский-1 и др.), а также и просто нечто нехорошее: «покойник — плохой сон» (х. Шакин). Есть и другие записи: «покойник снится — это к хорошему» (х. Помалинский, п. Тихая Журавка).

В сновидениях покойник может звать с собой, пытаться увести с собой, целовать (все это предвещает смерть), а также предупреждать, просить о чем-либо: «...заварят, если мучат покойники, снятца там, снятца, надаидают — нужна сесть на парох и их паминуть» (Зап. от Валентины Петровны Давыдоной, 1962 г.р., ст. Аржановская, Аржановское с/п, Алексеевский р-н, Волгоградская обл. Соб. К. Журавель, Ю. Попова. 2010 г.) [ФА ДонНУ].

Если снится недавно умерший родственник, то, скорее всего, это связано с «ритуальной ошибкой», о которой мы говорили выше, но если член семьи тоскует по умершему, то тогда он начинает являться наяву в виде огненного змея или «живого» мертвеца. Образы «живого» мертвеца и огненного змея в верхнедонских записях имеют ряд общих признаков: причиной их появления может быть тоска по умершему, и, по народным представлениям, эти образы не от Бога, они являются «нечистыми», опасны для человека, к которому приходят.

Е. Е. Левкиевская в четвертом томе «Народной демонологии Полесья» пишет о двух различных типах летающего змея в полесском ареале: 1) дух-обогадатель и 2) мифологический любовник. Последний понимается как ««ходячий» покойник или черт, в виде огненного змея, летающего к женщине, которая тоскует об умершем или отсутствующем муже»

[Левкиевская 2020, 435]. Подобное определение находим и в этнолингвистическом словаре «Славянские древности»: «Змей огненный — ипостась ходящего покойника, который после своей смерти является к своей жене или любимой женщине <...>. Часто з.о. является ипостасью черта, который принимает облик умершего или находящегося в отлучке мужа или любовника, по которому тоскует женщина...» [Левкиевская 1999, 332].

Мотив хождения мифологического покойника распространен и на Верхнем Дону, но тосковать могут не только по супругу (справедливости ради отметим, что такие записи в экспедиционной работе встречались нам часто), и огненный змей, таким образом, не всегда связан с любовной темой и соответственно не всегда является мифологическим любовником. К. Е. Корепова указывает, что «ходячими» покойниками могли быть фактически все члены семьи [Корепова 2007, 143]. На Верхем Дону тосковать могли по ребенку: «Е. И.: Этт таска. Вот он и прихадил, што ты таскуешь. А. И.: Да, вот, может быть, от если п я пашла, он мог бы увесть миня. Е. И.: У нас от в Зимавном от через дом адна женщина на сыну, што ли, ана таскавала. А. И.: Вот эта вот эта фсё. Чё та есть на свете. Е. И.: И иё увёл в Дон. Утрам люди фстали — а иё нету. А сляды и в Дон, зимой, на снегу, утапилась. Никада ня нада ухадить с ним. Ствари малитву, и фсё» (Зап. от Евдокии Ивановны Сыроедовой, 1923 г.р., Анны Ильиничны Мухаевой, 1955 г.р., п. Букановское Заготзерно, Букановское с/п, Кумылженский р-н, Волгоградская обл. Соб. В. Хитеева, А. Маданова. 2011 г.) [ФА ДонНУ];

по отцу: «А сынок тасковал, от свет гарить на всей улице, он пайдёт неве-сту проважать, а там приходить: «Мамка, а со мной папка шёл». Я гарю: «Да ты чё, свет кругом гарить, и как он с тобой шел?» — «Ну, так и шёл са мной». <...> Таскавал он» (Зап. от Анны Петровны Егоровой, 1933 г.р., х. Курин, Арчединское с.п., Михайловский р-н, Волгоградская обл. Соб. В. Хитеева, С. Сингур. 2011 г.) [ФА ДонНУ];

по сестре: «...мая дваюрадная систрёнка, ей бьуло дивятнацить лет, ана и училась в Валгагради, училась. И, значить, ана в Валгагради училась и там забалела очинь <...> и, значить, у ниё почки. Ана

у нас умярла. В Валгагради иё пахаранили. <...> Ничё ни сон, от тольки я встала... лягла и уснула, и встала. На третью дойку мне нада была итить. И я встала, ни слышать, штобы двери аткрыли, и ни слышала я ничё. И пашила в эту, хату, стаить женьщина — ну точныя Валькя, ну точная, и голас такой, и платья на ней такая, а платья етую мне тётька Зинка аддала. Грить: “На вот Валину платью и наси”. Я иё долга насила платью, ана сама шыла, ана училась на закройщика. И от, значить, я глянула — Валя, и хачу сказать: “Валь, ты чё пришла? Ты жы мёртвая, ты чё пришла?”, а языком я, от язык у мене ни паварачиваица. И я павярнусь, наказала жы, ана у миня спрасила, де Шура живёт, и я павирнусь в акно, гаварю: “Вон”, а патом павярнулась — иё нет, и ни слышала, када ана дверь аткрывала. <...> Вот так ана ка мне прихадила. Страсьть я гарявала па ней» (Зап. от Устины Нефедовны Степановой, 1936 г.р., х. Еланский, Букановское с/п, Кумылженский р-н, Волгоградской обл. Соб. Е. Жовниренко, В. Хитеева. 2007 г.) [Тимофеев. МЭ].

Есть записи, в которых идентифицировать образ — точно сказать: «живой» мертвец это или огненный змей — оказывается затруднительно: 1) «Щас скажу, дифчёнкой я была, ну, можэт, лет восем мне було, мы бегали Христа славить па дварам, и я сама видела, как к ним шар прилетает и на дваре разбиваеца. Ну и стали гаварить, што вот, што Верка летает к матери. Ана приходит к ней, садица и разгаваривает с ней. Да. Дет стал замечать, ана: «Ну, чо ты не видишь шо ли, от Вера сидить, мы с ней разгаваривам» (ана па ней таскавала). И знаешь, дет слядил-слядил, и лиш успел — она уш ей петлю сделала, в сарай, удушить хатела» (Зап. от Галины Андреевны Медведевой, 1937 г.р., ст. Алексеевская, Алексеевское с/п, Алексеевский р-н, Волгоградская обл. Соб. К. Журавель. 2011 г.) [Тимофеев.

МЭ]; 2) «Да так: был тут у адной муш и помир. А у них дети астались. И вот приходит и приходит, гаварить: “Пайдём паглядим, где мы живём”, а ана у свякрови жила. И вот привёл он иё. Там аграда высокая, он перелетел, а ана в начной рубахе палезла, и как он её смыкнул. А ана села на гробе, пака не расвяло, не знала. Как ачутилась. Шла черис бугор в начной рубахе, чёрная фся: он её избил так. Ну, бабы начали спрашивать: “Нинка, ты де была?” Ана вот так начала адной рассказывать, муш приходит. “Эта, — грит, — ни муж. Эта чёртик был”» (Зап. от Екатерины Сидоровны Жидковой, 1948 г.р., ст. Слащевская, Слащевское с.п., Кумылженский р-н, Волгоградская обл. Соб. Е. Жовниренко, Д. Золотарёва, Е. Савченко. 2006 г.) [ФА ДонНУ]. «Живой» мертвец обычно является или *приходит*², огненный змей — *прилетает*, проникает в жилище через трубу, *опускается* во двор в виде огненного шара. В приведенных же записях мы видим совмещение образов «живого» мертвца и огненного змея: 1) прилетел шар и разбился во дворе, Вера летает к матери, дочь приходит и разговаривает с ней, хочет удушить; 2) черт в облике мужа приходил, перелетел через ограду.

К. Е. Корепова пишет: «По нижегородским материалам есть некоторая разница между, с одной стороны, змеелюбовником и покойником, летающим в форме снопа, с другой — огненным шаром. Шар летает не только к женщине, но и к тем, кто занимается колдовством, то есть летящий шар — это покойник (не случайно он “поднимается из могилы”, “летит с кладбища”), но еще и черт» [Корепова 2007, 144]. Н. Е. Котельникова на материале мифологической прозы Муромского края выделяет три типа покойников, входящих к живым: «Первый из них — летающий огненный шар, который влетает в дом тех, кто слишком сильно и долго тоскует по покойнику. Там

² Здесь мы обратили внимание на устойчивость вербального оформления высказываний о «живом» мертвце и огненном змее, которая проявляется в использовании определенных глаголов по отношению к тому или иному образу, но это не отменяет идеи о метафизическом значении слова *ходит*: «...глагол *ходит* по отношению к “ходячему” покойнику обозначает не только и не столько его физическое передвижение, сколько его неуспокоенность, его способность перемещаться между “иным” и этим миром, появляться перед живыми людьми. Именно потому что в полесской и, шире, восточнославянской мифологии глагол *ходит* имеет не столько буквальное, сколько метафизическое значение...» [Левкиевская 2012а, 274].

он принимает вид человека. В этот же тип можно включить покойников, которые попадают в дом неизвестным образом, но ведут себя так же, как прилетевшие в виде огненных явлений. Они в целом воспринимаются исполнителями не как «свои» покойники, а как принимающая вид умершего близкого человека нечистая сила. Второй тип покойников достаточно безобидный по сравнению с предыдущим. Это покойники, которые являются близким на сороковой день. <...> Покойники третьего типа вступают в контакт с живыми в снах. Они обычно обращаются к живым с различными просьбами» [Котельникова 2008, 461]. В верхнедонских записях дифференцирующим признаком для огненного змея и «живого» мертвеца можно считать тоску: если для огненного змея тоска родственника по члену семьи является обязательной причиной его появления, то для «живого» мертвеца — тоска факультативна (о ней говорится не всегда). В архиве экспедиций есть записи о покойнике, который приходит к живым, общается с ними, но такие встречи, как правило, не повторяются: по покойнику не тоскуют, встречи с ним не ждут, наоборот, даже удивляются его приходу, с ним легко расстаются, поэтому он не возвращается. Кроме того, тоска, по народным представлениям, — симптом распространенной болезни, от которой лечат знахарки с помощью соответствующего заговора. Общение, взаимодействие с «ходячим» покойником или огненным змеем тоже можно понимать как симптом, но их явления — также последствия затянувшейся тоски, представляющей опасность для здоровья и жизни.

Этого демонологического персонажа отличает отсутствие спины. Он всегда повернут лицом к человеку. Даже уходя, такой покойник не поворачивается спиной: «В. С.: ...если ана <вдова> гарюит, если не лецицца ат таски. Е. С.: Он еищэ называеца дьявал, сатана, можит вабще утянуть чёрти-куда. У каво, гаварили, муш умир, а ана таскуит и таскуит а нём... он пришёл к ней, лёх с ней рядом спать. Вот и всё... И, вроди, абнимаить. А ана, значить, хатела абнять, а он гаварит: “Не трошь миня за спину”. Как гаварят, у чёрта спины нет. А ана ево прям в образи мужа видила. Уходит и приходит, ана с ним вот так вот жила, и всё»

(Зап. от Валентины Степановны Титовой, 1939 г.р., Екатерины Сидоровны Жидковой, 1948 г.р., ст. Слащевская, Слащевское с/п, Кумылженский р-н, Волгоградская обл. Соб. Н. Макаренко, Е. Жовниренко. 2006 г.) [ФА ДонНУ]; «Назначить ей свидания ф саду, ана нагатовить есть и приходить, разложить всё, он с кустоф выходит, а эт, гаварять, чёрт, и всё. Тимафей выходит, паздароваеца, всё, сядет паесть, понимаешь, а ей сказали, ты гавари: “Госпади, спаси и сахрани!”, и он сраз уйдёт. И ана как толька падумает: “Госпади, спаси и сахрани!”, а он никагда задам не павернёцца, абязательна уходит так ж, как и вышел. <Соб.: А кто это был такой?> А эта чёрт прихадил вмест ниво» (Зап. от Г. А. Медведевой, см. выше) [Тимофеев. МЭ]. Из приведенных записей видно, что «живой» мертвец получает в народных рассказах различные имена. Его «нечистая» природа подчеркнута в словах *дьявал, сатана, чёрт*. Также замещением имени выступает местоимение *он*: *он еищэ называеца, он пришёл, он гаварит, он никагда задам не павернёцца* и пр. Кроме этого, интересующий нас персонаж может быть назван *покойным мужем, покойником, дедом* (в зависимости от его социального статуса).

Примечательно, что в приведенных верхнедонских записях сам умерший при жизни обычно не связан с нечистью. Такие покойники становятся опасными для близких только после смерти, поскольку те не могут их «отпустить», в то время как ведьмы и колдуны причиняют людям вред преимущественно при жизни. После смерти они также могут «вредить», но уже опосредованно: отсутствие долгожданного дождя могли связывать с могилой ведьмы или колдуна, и тогда такую могилу могли поливать водой, забивать в нее осиновый кол. Так, в исследуемом регионе распространён запрет на чрезмерные слезы об умершем: «...даже на клатбище гаварять, хто кричит: “Да не кричи ты, не кричи! Хватит лить слёзы — будеть он ф слизах, мокрый лижать»» (Зап. от Зои Тимофеевны Ильичевой, 1930 г.р., х. Белогорский, Базковское с/п, Шолоховский р-н, Ростовская обл. Соб. В. Хитева, О. Шепелева. 2010 г.) [ФА ДонНУ]; «...матери нильзя кричать, што от эта если мама кричить, знаите пакойникаф как, энта он буить утапать ф слизах»

(Зап. от Натальи Дмитриевны Гуревниной, 1927 г.р., х. Верхняковский, Верхняковское с/п, Верхнедонской р-н. Соб. К. Журавель, Ю. Попова. 2010 г.) [ФА ДонНУ].

Если по покойнику все же тоскуют, то есть в народной культуре различные способы преодолеть эту ситуацию. Кроме лечения тоски с помощью знахарки и ее заговора, уберечь себя от «нечистого» покойника можно при помощи молитвы, «религиозной фразы» / церковного благопожелания или упоминания Господнего имени в устойчивой словесной формуле: «Слава Богу», «Господь с тобой» и др.: «*Госпади Исусе Христе! Дет мой умер, а эта какой-та пришил. А он как хлопнит дверью и гаварит: “Замалилася!”*» (Зап. от Валентины Евгеньевны Рассказовой, 1932 г.р., х. Крутовский, Крутовское с/п, Серафимовичский р-н, Волгоградская обл. Соб. Е. Волченко. 2001 г.) [Тимофеев. МЭ]; «*Пашили с ним, — гарить. Как мне, — гарить, — Гаспоть, наверна, для детей, — гарить, — аставил. Я, — гарить, — тако-ва от, от, и я уж палавину пути в калотце была уш... Я: “Госпади!” И он гарить: “Чё, дагададась?” И фсё! Посли этава раза ана пашила в церкафь, стала лячитца <...>, и он ня стал хадить*» (Зап. от Пракскови Александны Наумовой, 1929 г.р., х. Курин, Арчединское с/п, Михайловский р-н, Волгоградская обл. Соб. В. Хитеева, С. Сингур. 2011 г.) [ФА ДонНУ]; «*Я гаварю: “Ну и Гаспоть с табой!” И он исцес. А от видала, прям точна. И ушёл в кухню. Пашёл пайиств. Я утрам встала, сготовила, саседкаф пазвала, пакармила*» (Зап. от Валентины Григорьевны Пристансковой, 1937 г.р., ст. Усть-Бузулукская, Усть-Бузулукское с/п, Алексеевский р-н, Волгоградская обл. Соб. С. Сингур, О. Якимова. 2010 г.) [ФА ДонНУ]. К православным берегам отнесем и крестное знамение. Так, по свидетельству Людмилы Николаевны Дорофеевой из х. Самолшенского змей перестал летать после того, как она перекрестила окна и двери.

Особого внимания заслуживает диалог о конопле и вшах: «*П. А.: А то даже так от, — гарит, — приходил, — гарит, — или она или хто уж, садяться, вот, штобы не ходил. Садись, и конапли, семчки эти садись и грызи. А. П.: Канопли семчки. П. А.: А он, — гарит, — придет, скажет: “Чё делаишь?” А ты скажи: “Вшей, — и чашу голову, — вшей, — гарит, — ем”*.

А он плюнить, повернётся и уидеть. А так и будить хадить, и на тот свет уводить, и всё. <Соб.: И это помогает?> *П. А.: Памагаить, ага. Молитвы, опять, кругом малитвы, а ани их не любят, ани нечистая сила*» (Зап. от П. А. Наумовой, А. П. Егоровой, см. выше) [ФА ДонНУ]. В этой записи информанты подчеркивают защитную функцию такого обмана мифологического персонажа и добавляют, что в этой ситуации также помогают молитвы. Н. К. Козлова, проанализировав большой фольклорно-этнографический материал, приходит к выводу, что в сюжете «Конопля и вши» «...женщина, расчесывая распущенные волосы и делая вид, что ест вшей, уподоблялась тем самым женскому мифическому существу, присутствия которого змей не выносит. <...> как только забылся их смысл, так в сюжете появились разного рода противоречия и поздние наслоения (например, наряду со змеем, стали действовать черт, покойник, леший и даже домовый; появился порог, который раньше не имел здесь никакого значения; конопляные семена превратились просто в семечки и т.д.). Забвение первоначальной семантики привело и к эволюции формы: сюжет приобретает продолжение диалога между змеем и женщиной типа: “А разве можно вшей есть?” — “А разве может мертвый к живой ходить?”; ранее не имевшее смысла» [Козлова 2006].

Рассмотренный в статье комплекс верхнедонских представлений о покойнике в начале XXI в. включает в себя похоронно-погребальные обряды и правила, былички и поверья, снотолковательные нарративы, лечебную практику, а также связанные с покойником приметы, запреты и предписания. Как показывает полевой материал, функциональный контекст определяет образ покойника: в похоронном обряде это, прежде всего, тело умершего, которое нужно правильно подготовить к погребению — покойного нужно правильно похоронить и «отделить» от живых; в снотолковании покойник — умерший родственник, который предсказывает, просит или зовет с собой, в лечебной практике явление покойного — симптом или последствие тоски, а в демонологии покойник — опасный мифологический персонаж, нечистая сила в человеческом или ином (огненный шар) облике.

Источники и материалы

Тимофеев. МЭ — Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 гг.) / Под общ. ред. П. Т. Тимофеева. Донецк: Юго-Восток, 2013.

ФА ДонНУ — Фольклорный архив кафедры истории русской литературы и теории словесности Донецкого национального университета

Исследования

Козлова 2006 — Козлова Н. К. Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты: Монография. Омск: Изд. дом «Наука», 2006. URL: http://svitk.ru/004_book_book/15b/3317_kozlova-o-zmeyah.php (дата обращения: 16.02.2020).

Корепова 2007 — Корепова К. Е. Покойник // Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья. СПб.: Тропа Троянова, 2007. С. 141–145.

Котельникова 2008 — Котельникова Н. Е. Мифологическая проза // Традиционная культура Муромского края. Экспедиционные, архивные, аналитические материалы: В 2 т. Т. 1. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2008. С. 457–462.

Левкиевская 1999 — Левкиевская Е. Е. Змей огненный // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2: Д (Давать — брать) — К (Крошки) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 332–333.

Левкиевская 2012a — Левкиевская Е. Е. «Ходячий» покойник // Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века: В 4 т. Т. 2: Демонологизация умерших людей / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 273–281.

Левкиевская 2012b — Левкиевская Е. Е. Покойник // Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века: В 4 т. Т. 2: Демонологизация умерших людей / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 90–95.

Левкиевская 2020 — Левкиевская Е. Е. Летающий змей // Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. В 4 т. Т. 4: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Изд. дом ЯСК, 2020. С. 434–437.

Сафронов 2016 — Сафронов Е. В. Сновидения в традиционной культуре: Исследования и тексты. М.: Лабиринт, 2016.

© О. А. Шепелева, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шепелева О. А. <https://orcid.org/0000-0003-2123-0473>

Старший преподаватель кафедры истории русской литературы и теории словесности Донецкого национального университета: ДНР, 83001, г. Донецк, ул. Желанная, д. 32; тел.: + 380 (71) 375-97-89; e-mail: o.shepelyova@gmail.com

---

The Image of the Deceased in Folk Representations on the Upper Don

Olga A. Shepeleva

(Donetsk National University: 32, Zhelannaya str., 83001, Donetsk, DPR)

Summary. Based on the records of international student folklore and ethnographic expeditions of the Donetsk National University to the Upper Don at the beginning of the 21st century, the article examines the concepts of the deceased, that function both in the funeral and memorial ritual context, and in dream interpretation, demonology, and medical practice.

The folklore image of the deceased is one of the most common on the Upper Don. The field material showed that its specificity depends on the functional context, which affects the external and essential characteristics of the deceased, as well as determines the nature of his relationship with a relative. The material in the article is based on the sequence of events (death — dreams/phenomena), which is also related to the functional context: the dead person appears in a dream and asks for the necessary thing after a “ritual error” during burial, and the “living” dead person walks and takes away the person who misses him and can not let him go.

Special attention is paid to the image of the “living” dead. So, on the Upper Don, this demonological character does not always correspond to the type of mythological lover. In the archive of

expeditions there are records of longing not only for a husband, but also for a blood relative (parent and child, sisters' relationship).

Keywords: *dead man, fire serpent, Upper Don, prescriptions, beliefs.*

Received: January 15, 2020.

Date of publication: March 25, 2020.

For citation: Shepeleva O. A. The Image of the Deceased in Folk Representations on the Upper Don. *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 1. Pp. 149–157. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2020.21.1.011

References

Korepova K. E. (2007) Pokoinik [Dead Man]. In: *Mifologicheskie rasskazy i pover'ya Nizhegorodskogo Povolzh'ya* [Mythological Stories and Beliefs of the Nizhny Novgorod Volga Region]. St. Petersburg: Tropa Troyanova. Pp. 141–145. In Russian.

Kotelnikova N. E. (2008) *Mifologicheskaya proza* [Mythological Prose]. In: *Traditsionnaya kul'tura Muromskogo kraja. Ekspeditsionnye, arkhivnye, analiticheskie materialy* [Traditional Culture of the Murom Region: Expedition, Archival and Analytical Materials]. Vol. 1. Moscow: Gos. resp. tsentr rus. fol'klora. Pp. 457–462. In Russian.

Kozlova N. K. (2006) *Vostochnoslavjanskije mifologicheskie rasskazy o zmeyakh. Sistematika. Issledovanie. Teksty* [East Slavic Mythological Stories about Snakes: Systematics. Study. Texts]. Omsk: Izd. dom "Nauka". URL: http://svitk.ru/004_book_book/15b/3317_kozlova-o_zmeyah.php (retrieved: 16.02.2020). In Russian.

Levkievskaya E. E. (1999) *Zmei ognennyi* [Fiery Serpent]. In: *Slavyanskije drevnosti: Etimologicheskij slovar'* [Slavic Antiquities: Etymological Dictionary]. In 5 vol. Vol. 2. Ed. by N. I. Tolstoj. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. Pp. 332–333. In Russian.

Levkievskaya E. E. (2012a) "Khodyachii" pokoinik ["Walking" Dead Man]. In: *Narodnaya*

demonologiya Poles'ya: Publikatsii tekstov v zapisyakh 80–90-kh gg. XX veka [Folk Demonology of Polesie: Publications of Texts in Records of the 80–90s of the 20th Century]. In 4 vol. Vol. 2. Comp. by L. N. Vinogradova, E. E. Levkievskaya. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. Pp. 273–281. In Russian.

Levkievskaya E. E. (2012b) Pokoinik [Dead Man]. In: *Narodnaya demonologiya Poles'ya: Publikatsii tekstov v zapisyakh 80–90-kh gg. XX veka* [Folk Demonology of Polesie: Publications of Texts in Records of the 80–90s of the 20th Century]. In 4 vol. Vol. 2. Comp. by L. N. Vinogradova, E. E. Levkievskaya. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. Pp. 90–95. In Russian.

Levkievskaya E. E. (2020) *Letayushchii zmei* [Flying Serpent]. In: *Narodnaya demonologiya Poles'ya: Publikatsii tekstov v zapisyakh 80–90-kh gg. XX veka* [Folk Demonology of Polesie: Publications of Texts in Records of the 80–90s of the 20th Century]. In 4 vol. Vol. 4. Comp. by L. N. Vinogradova, E. E. Levkievskaya. Moscow: Izd. dom YaSK. Pp. 434–437. In Russian.

Safronov E. V. (2016) *Snovideniya v traditsionnoi kul'ture. Issledovaniya i teksty* [Dreams in Traditional Culture: Research and Texts]. Moscow: Labirint. In Russian.

© O. A. Shepeleva, 2020

ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Shepeleva <https://orcid.org/0000-0003-2123-0473>

E-mail: o.shepeleva@gmail.com

Tel.: + 380 (71) 375-97-89

32, Zhelannaya str., 83001, Donetsk, DPR

Senior Lecturer, Department of History of Russian Literature and Theory of Philology, Donetsk National University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)